

На правах рукописи

Афанасьев Антон Сергеевич

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань
2012

Работа выполнена на кафедре русской, зарубежной литературы и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Саяпова Альбина Мазгаровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Созина Елена Константиновна

кандидат филологических наук, доцент
Сорокина Татьяна Викторовна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО
«Астраханский государственный университет»

Защита состоится «16» февраля 2012 года в 11.00. часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420000, г. Казань, ул. Татарстан, д 2, ауд. 238.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Казань, ул. Кремлевская, д.35). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.ksu.ru>.

Автореферат разослан «27» декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Р.Л.Зайни

Общая характеристика работы

Актуальность работы. Современная гуманитаристика рассматривает проблему личности в качестве одной из основных. Отмеченная тенденция имеет место и в литературоведении, на что указывает получивший широкое распространение анализ произведения сквозь призму художественной концепции личности. Эта прочно устоявшаяся категория позволяет, с одной стороны, понять особенности мировоззрения самого автора, а с другой, – глубже раскрыть специфические черты поэтики текста.

В отечественном литературоведении последних десятилетий сложилось два основных направления в изучении данной проблемы. Для представителей первого подхода (Л.Г. Анисимова, Л.А. Колобаева, Н.В. Мокина и др.) произведение является эстетическим феноменом, в котором претворяются воззрения писателя на существование человека. Названные литературоведы с целью постижения художественной концепции личности исследуют систему мотивов/лейтмотивов и образов-символов; хронологическую организацию; специфику структуры текста; зависимость репрезентации образа личности от жанровой формы произведения и т. д.

Второй подход связан с исследованиями Г.Н. Бабшановой, Е.Н. Бондаренко, Е.С. Гапон, Н.П. Жилиной, М.С. Зайцевой, Г.И. Каюмовой, Ю.М. Павлова, О.В. Рыбак, В.Г. Шустер и др., в которых художественная концепция личности обосновывается как этическое-эстетическое понятие, выявляющее «национальную идентичность» того или иного автора. В рамках этого направления предметом изучения становится прежде всего персонально-образный уровень текста.

Степень изученности проблемы. Постановка проблемы концептуализации представлений о личности в творческом сознании Андрея Белого намечена в статье Л.А. Колобаевой «Человек и его мир в художественной системе Андрея Белого»¹. Для данного исследователя проблема личности трактуется как часть более широкого вопроса об экзистенциальной сущности человека.

В дальнейшем литературоведы рассматривали отдельные вопросы мировоззрения Андрея Белого, непосредственно связанные с писательским осмыслением природы личности, при этом объектом изучения становились прежде всего «симфонии» и роман «Петербург». Исследователи акцентировали важную для писателя «двуединность» личности (С. Аскольдов, Л.К. Долгополов), осмысливали идею преображения (А.В. Сарычев, З.О. Юрьева), категорию прапамяти (Л.К. Долгополов), систему образов-символов и мотивов, художественно воплощающих концепцию личности в лирических текстах автора (Н.В. Мокина).

¹ Колобаева Л.А. Человек и его мир в художественной системе Андрея Белого / Л.А. Колобаева // Филологические науки. – 1980. – № 5. – С. 12 – 20. Изучение данной проблемы было продолжено в монографии «Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – XX вв.» (1990).

В литературоведении 2000-х гг. предпринимается попытка расширения проблемного поля в исследовании концепции личности в творчестве Андрея Белого. Наиболее отчетливо этот процесс представлен в диссертационной работе М.А. Самариной¹. Однако в центре исследовательского внимания оказывается не выстраиваемая писателем концепция, а интерпретация художественной системы романного творчества и вычленение основных антиномий, связанных с эстетическими и религиозно-философскими интенциями Андрея Белого.

Для настоящего исследования также значимыми являются литературоведческие труды, посвященные изучению отдельных черт художественного мира писателя. О.С. Карпухина, Дж. Мальмстад, Т.Н. Николеску, А. Протопапа, М.Л. Спивак, Э.И. Чистякова исследовали проблему антропософского влияния на формирование мировоззрения писателя. Анализом мифопоэтики текстов Андрея Белого занимались Н.В. Барковская, Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, В.М. Пискунов, Н.Г. Пустыгина, В.Н. Топоров, А. Филимонова, А. Ханзен-Леве, Я.А. Шулова. Интертекстуальные связи произведений данного автора рассматривали И. Делекторская, Д.М. Магомедова, В.М. Паперный.

Научная новизна диссертационной работы заключается в систематизации взглядов Андрея Белого на проблему личности и выстраивании на этой основе целостной концепции в ее динамике. Впервые определяется совокупность факторов, раскрывающих изменение процесса концептуализации представлений о личности; вычленяются аспекты, составляющие смысловое ядро концепции; отмечается специфика художественной репрезентации указанной концепции, основу которой составляет трансформация ведущего смысло- и структурообразующего принципа: зеркальность, мистериальность, симфонизм; вводится в научный оборот ряд произведений Андрея Белого, ранее не исследованных или малоисследованных (в частности, рассказы «Аргонавты» и «Йог»).

Объектом исследования является художественное, литературно-критическое и мемуарное наследие Андрея Белого. При этом в качестве **материала** исследования диссертационной работы выступают три прозаических произведения Андрея Белого: «Возврат» (1905), «Серебряный голубь» (1910), «Москва» (1926 – 1932). Такой выбор репрезентативных текстов обусловлен двумя причинами. Во-первых, указанные произведения отделены друг от друга хронологически, что позволяет выявить динамику концепции личности. Во-вторых, данные тексты демонстрируют различные способы ее художественного воплощения².

¹ Самарина М.А. Воплощение религиозно-философских и эстетических исканий А. Белого в его романах начала века («Серебряный голубь», «Петербург», «Котик Летаев»): дис. ... канд. филол. наук / М.А. Самарина. – М., 2000. – 166 с.

² Стоит отметить, что корпус отмеченных произведений расширяется за счет привлечения широкого «внутреннего» контекста писателя. В качестве дополнительного материала, иллюстрирующего формы репрезентации художественной концепции личности, привлекаются поэтические сборники «Золото в лазури» (1904), «Королева и рыцари» (1919), «Звезда» (1922), рассказы «Аргонавты» (1903), «Йог» (1918), романы «Петербург» (1916), «Котик Летаев» (1922), а также «Северная симфония (1-я, героическая)» (1904) и

Предметом исследования становится художественная концепция личности и формы ее воплощения в творчестве Андрея Белого.

Ведущим **методом исследования** становится структурно-семантический метод, позволяющий рассмотреть формы художественного воплощения концепции личности в прозаических текстах Андрея Белого.

Методологическую базу составили литературоведческие работы, посвященные анализу мотивной системы произведения (Б.М. Гаспаров, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг); структурной организации текста (Р. Барт, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский); мифопоэтики (Е.М. Мелетинский, З.Г. Минц, В.Н. Топоров, А. Ханзен-Леви). Кроме того, при анализе художественного произведения использованы некоторые подходы современной постмодернистской философии (Ж. Лакан).

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении процесса концептуализации личности в творчестве Андрея Белого и особенностей его художественного воплощения.

Цель обуславливает конкретные **задачи**:

1. Рассмотреть изменение концепции личности, выстраиваемой в теоретических и литературно-критических работах Андрея Белого;
2. Выявить константные черты, определяющие художественную концепцию личности;
3. Проследить процесс усложнения, обогащения концепции личности в художественных текстах Андрея Белого;
4. Раскрыть способы репрезентации концепции личности в прозаических произведениях писателя;
5. Рассмотреть реализацию концепции личности на всех уровнях текста, определить особенность ее воплощения на каждом из них.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуализация личности, происходившая в критико-теоретических работах и художественной практике Андрея Белого, представляет собой динамичный процесс, продолжавшийся на протяжении всего идейно-эстетического развития писателя. Выделяются несколько этапов концептуализации, основным критерием выделения которых становится главенство определенной эстетико-философской традиции. На первой стадии концептуализации для писателя имела большое значение общесимволистская традиция, на второй – антропософская.
2. Концепция личности включает в себя особую структуру, предполагающую соединение индивидуального «Я» и «Я» коллективного в «индивид-коллектив», и связанную с этим пограничность человеческого сознания. В «антропософском» варианте концепции Андреем Белым поднимается проблема «самосознающего “Я”», которое мыслится и как сверхобразование, производящее работу по гармонизации

«Симфония (2-я, драматическая)» (1902).

индивидуального и коллективного в личности, и как сам акт подобного совершенствования.

3. Усложнение концепции личности в прозаическом творчестве Андрея Белого обеспечивается расширением проблемного поля. В повести «Возврат» доминантной оказывается проблема пограничности сознания личности, в романе «Серебряный голубь» данная концепция определяется вопросом о соотношении в структуре личности «Я» индивидуального и «Я» коллективного, в романном цикле «Москва» происходит соединение проблемных аспектов концепции личности.

4. Основным способом репрезентации художественной концепции личности в текстах Андрея Белого становится ведущий смысло- и структурообразующий принцип, являющийся «стержнем» концепции и регулирующий формы ее реализации. В повести «Возврат» таким принципом выступает зеркальность, в «Серебряном голубе» – мистериальность, в «Москве» – симфонизм.

5. Мифопоэтическое воплощение концепции личности в прозе Андрея Белого формируется сюжетом инициации, предполагающим либо ситуацию поиска главным героем когда-то «утерянных» составляющих своего «Я» (Хандриков, Петр Дарьяльский), либо процесс их обнаружения, открытия (Иван Коробкин). Исходным моментом реализации сюжета является столкновение героев-антагонистов, намечающее самоидентификацию главного героя. Дальнейшее развитие этого сюжета осуществляется на образно-символическом уровне.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой новых подходов, связанных с исследованием актуальной в современном литературоведении категорией художественной концепции личности, и характеризуется возможностью применения полученных результатов при изучении русской литературы конца XIX – начала XX вв.

Практическая значимость исследования. Основные результаты исследования могут быть использованы в лекционном курсе «История русской литературы конца XIX – начала XX века» и различных теоретических и историко-литературных спецкурсах, посвященных прозе русского символизма, русскому роману XX века и актуальным проблемам современного литературоведения.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов, прочитанных на 8 научных и научно-практических конференциях разного уровня: международных («Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские Чтения». Москва, 2010; «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские Чтения». Москва, 2011; «Филология и образование: современные концепции и технологии». Казань, 2010); всероссийских («Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых». Москва, 2007; «Текст. Произведение. Читатель». Казань, 2007, 2010; «Национальный миф в литературе и

культуре». Казань, 2009; «Национальный миф в литературе и культуре: литература и идеология». Казань, 2011).

Основные положения диссертации изложены в 11 статьях, 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, включающего в себя 242 наименования.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее новизна, осмысливается научное состояние изучаемой проблемы, определяются объект, предмет и материал исследования, его цели и задачи, излагается теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В **первой главе диссертации «Теоретическое осмысление концепции личности в творческом сознании Андрея Белого»** исследуется концепция личности, выстроенная писателем в теоретико-критических и мемуарных работах. При всей ее динамичности вычлняются две ключевые проблемы, над которыми писатель размышлял на протяжении всей своей жизни. Первой является проблема соотношения индивидуального и коллективного в структуре личности, второй – пограничность сознания.

Концептуализация личности в творческом сознании Андрея Белого происходила в несколько этапов. В середине 1900-х гг. обращение к данному вопросу осуществлялось в рамках художественных текстов, среди которых особую значимость имеет повесть «Возврат». Следующий этап относится к концу 1900-х – началу 1910-х гг. В статьях «Фридрих Ницше» (1908), «Проблема культуры» (1910), «Кризис сознания и Генрик Ибсен» (1911) складывается терминологический аппарат концепции, а основные ее положения оформляются в работах «Гоголь» (1909) и «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1910). Завершающий этап, приходящийся на середину 1910-х – 1920-е гг., характеризуется осложнением представлений о личности антропософским влиянием, вследствие чего происходит изменение терминологического аппарата. В наиболее полном виде концепция личности нашла свое воплощение в неоконченном трактате «История становления самосознающей души» (1926).

В начале формирования взглядов на бытие личности Андрей Белый находился под влиянием философских построений Вл. Соловьева, согласно которому всякая личность для собственной гармонизации должна соединить свое эмпирическое «Я» («индивид») с «Я» «соборным». Однако автора-символиста интересовала не структура «Я» эмпирического и «Я» «соборного» (в терминологии Андрея Белого – коллективного), а механизм их соединения, иными словами, феномен пограничного

сознания. Пограничность интерпретировалась писателем как универсалистский ключ, позволяющий слить разрозненные составляющие личности.

В середине 1910-х гг. понимание структуры личности корректируется идеями немецкого философа Р. Штайнера. Антропософские установки трансформируют главным образом понимание термина «коллектив»: Андрей Белый начинает осознавать «индивидуум» как множественное образование, состоящее из большого количества «масок». «Дирижирование» ими осознается как основная деятельность внутренней жизни человека, в результате чего «индивидуум» должен преобразиться в «индивид-коллектив» – идеальную личность.

В более поздних работах осложняется понятие «Я». Оно выступает и как сверхобразование, объединяющее в себе «индивид», «маски», «индивид-коллектив», а также все их «знания», и как акт по претворению «индивида» в «индивид-коллектив».

Кроме того, у «Я» появляется определение «самосознающее», тем самым обнаруживается связь с проблемой сознания. Для Андрея Белого сознание – целостность, которая объединяет в себе бессознательное, сознательное и сверхсознательное; оно же является главным «объектом» человеческого знания. Поскольку носителем сознания становится «Я»-сверхобразование, то главной целью человечества становится самосознание – процесс превращения человека в «Человека».

Сознание в миропонимании писателя тесно соотносится с проблемой культуры. Она представляется как отражение процесса формирования «самосознающего “Я”»: как культура в своем развитии проходит определенные этапы, так и личность на пути к собственной гармонизации должна прожить несколько периодов. В связи с подобным пониманием культуры значимым для Андрея Белого являлось творчество как таковое. Оно воспринималось как деятельность, дающая возможность приобщиться к культуре, тем самым встать на путь самосовершенствования личности. Именно поэтому для «апробации» своей концепции писатель в качестве «объекта исследования» избирает классиков русской литературы: Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

В работах конца 1900-х гг. – «Гоголь» и «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» – Андрей Белый рассматривает русских писателей с точки зрения взаимодействия в структуре их личности «масок» «простого человека» и «художника-творца». Показателем взаимной соотнесенности отмеченных «масок» служит авторская идентификация русских классиков. Андрей Белый называет Н.В. Гоголя «маниаком», потому что его жизнь была захвачена искусством («художник» поглотил «человека»); у «эпилептика» Ф.М. Достоевского, наоборот, произошло поглощение искусства жизнью («человек» оказался сильнее «художника»), а Л.Н. Толстой в своей личности смог соединить искусство и жизнь («человек» и «художник» слились

воедино), поэтому он становится для автора-символиста «либо святым, либо сумасшедшим».

Если в конце 1900-х гг. фигуры Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого рассматривались в рамках вопроса о структуре личности, то в 1920-е гг. классики русской литературы иллюстрируют представления писателя о феномене «пограничного сознания». Андрей Белый называет указанных писателей «пророками», поскольку они ощутили «кризис сознания» задолго до его начала. (Согласно антропософскому учению данный кризис приходится на начало XX столетия, когда заканчивается эпоха «душевной» культуры и наступает культура «духовная»). Однако реакция на подобное узнавание у трех авторов была разной. Только Л.Н. Толстой нашел способ адекватного существования человека в ситуации пограничности. По мысли Андрея Белого, именно этот русский классик первым указал на то, что в раннем детстве каждый человек переживает («вспоминает») этапы становления культуры. Именно в «памяти о прошлом», в «жизни памяти» сам автор-символист видит преодоление «кризиса сознания». В отличие от «Я» Л.Н. Толстого, «Я» Н.В. Гоголя не смогло вырваться за границы «душевной» культуры, а «Я» Ф.М. Достоевского, напротив, оказалось на новом этапе ее развития, полностью порвав с этапом предшествующим.

Следовательно, концепция личности, выстроенная Андреем Белым, коренным образом не менялась. Происходило лишь постепенное ее достраивание, которое направлялось и корректировалось философскими увлечениями писателя. Следствием перехода от одной философской системы к другой становится новое смысловое наполнение понятий «коллектив» и «Я».

Во второй главе **«Проблема пограничности сознания и формы ее художественного воплощения в повести Андрея Белого “Возврат”»** анализируется принцип зеркальности, который становится в этом произведении художественным воплощением проблемы пограничности сознания человеческой личности. Отталкиваясь от идеи З.Г. Минц, Е.Г. Мельниковой об изоморфности композиционной структуры «Возврата» и «функциональной структуры мозга»¹, при раскрытии данной проблемы мы использовали материал современной постмодернистской философии, в частности, учение Ж. Лакана о «стадии зеркала».

По мысли Андрея Белого, человеческое сознание балансирует на грани мира эмпирического и мира трансцендентного, в которых находятся разъединенные части человеческого «Я». Однако личность способна соединить свои «фрагментарные переживания» (Ж. Лакан). Для этого нужно самоидентифицироваться и осознанно «собрать» все свои составляющие. Реализация принципа зеркальности позволяет человеку «опознать» другую часть своего «Я» и прорвать пространственно-временную перегородку, разделяющую их. Такую возможность имеют люди,

¹ Минц З.Г., Мельникова Е.Г. Симметрия – асимметрия в композиционной структуре «III» симфонии Андрея Белого / З.Г. Минц, Е.Г. Мельникова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Вып. 641. – Тарту, 1984. – С. 84 – 92.

обладающие трансцендентным знанием или предчувствием. Для остальных принцип зеркальности акцентирует ситуацию невозможности прорыва перегородки.

Именно используя физические свойства зеркала, Андрей Белый маркирует героев «Возврата». Персонажи, в отношении которых писатель актуализирует ситуацию «удвоения» как «истинного» свойства зеркала, являются личностями, сумевшими найти свое «утраченное» «Я». Зеркальность, репрезентирующая ситуацию «умножения», указывает на то, что герои существуют только в пространстве земной реальности.

Наиболее четко ситуация «удвоения» прослеживается в образах ребенка, старика и доктора Орлова. Ярким примером является эпизод всматривания ребенка в озеро-зеркало, наиболее открыто показывающий соединение со «вторым» «Я». С мотивом озера-зеркала в структуре «Возврата» соотносится неоднократно встречающийся мотив тканья/ткани. Ткань так же, как и зеркало, с одной стороны, дает возможность сблизить два мира, в которых пребывает человек, а с другой стороны, служит перегородкой, мешающей проникать в Вечность людям, не подготовленным для трансцендентного познания. Ситуация «удвоения» задается в образе ребенка (опосредованно) и через мотив провала/пронзания/разрыва, который в повести выступает как способ преодоления утраченной связи между двумя мирами.

Старик и доктор Орлов представляют собой единое Целое, когда-то соединенное и связанное навсегда. Объединяющим два образа началом является лейтмотивный образ-символ «серых очей – двух бездн», который задает «двойное» видение окружающей действительности, взгляд на нее из двух планов. Кроме того, относительно доктора Орлова «удвоение» реализуется еще и в его имени – Иван Иванович, что подчеркивает его возможность пребывать в двух мирах.

Момент «удвоения» тесно соотносится с идеей расширения сознания, воплощенной в тексте через мотив рассеивания/рассыпания. Во всех случаях происходит одинаковая метаморфоза: предметы и люди, связанные с указанным мотивом, обретают шарообразную, объемную форму. Стоит отметить, что уже в «Возврате» Андреем Белым используется излюбленная в последующем творчестве «математическая» (а точнее, «геометрическая») символика как способ изменения границ сознания (например, в «Петербурге» «квадратность» и все ее модификации (кубизм, параллелизм) и составляющие (линии) будут выстраивать ситуацию ограниченности/сужения сознания Аполлона Аполлоновича Аблеухова).

Магистрант Хандриков среди всех персонажей «Возврата» занимает особое место. Он является единственным героем, изображенным в процессе гармонизации своей личности. Поэтому в отношении Хандрикова зеркальность реализует и ситуацию «умножения», и ситуацию «удвоения».

Во второй части «Возврата», описывающей земное бытие Хандрикова, зеркало становится источником «умножения» явлений, событий, на что указывает эпизод его пребывания в парикмахерской. Помимо этого ситуация «умножения» кодируется

через нулевой мотив. В третьей части «Возврата» в отношении Хандрикова – пациента психиатрической клиники Орлова – принцип зеркальности создает не ситуацию «умножения», а ситуацию «удвоения», являющуюся знаком того, что самоидентификация героя находится в своей кульминации. Вглядывание в зеркало-озеро и его последующее опрокидывание художественно воплощает тот прорыв перегородки, которая до этого разделяла части эмпирического «Я» Хандрикова/ребенка.

Показателем первоначальной неосознанности Хандриковым своей причастности к трансцендентному миру становятся особенности субъектно-объектных отношений в повести. Во второй части произведения частотными являются случаи, когда главный герой не принимает участие в происходящих событиях, выступая как пассивный объект. Это отображает грамматическая форма глаголов, которые актуализируются в отношении магистранта: *налетало, прорывало, дуло* и т. д. Безличная форма создает впечатление, будто им управляют трансцендентные силы. В финале произведения происходит преобразование Хандрикова из объекта в субъект действия, что свидетельствует о завершении процесса преобразования личности.

Таким образом, можно сказать, что в «Возврате» Андрей Белый впервые наиболее последовательно выстраивает свою художественную концепцию личности. Эмпирическое «Я» человека, по мысли писателя, предстает как несовершенное образование, требующее своего преобразования. В повести писателя интересует феномен «пограничного сознания», которое воплощает механизм преобразования эмпирического «Я», его слияния с «Я» мировым.

В третьей главе «Мистериальность как способ репрезентации динамики “самосознающего Я” в романе Андрея Белого “Серебряный голубь”» рассматривается своеобразие мифопоэтической сюжетики романа, выделяется смысло- и структурообразующее значение мистериальности в реализации концепции личности.

Как мыслит Андрей Белый на данном этапе своей эволюции, индивидуальное «Я» предстает в эмпирической действительности цельным образованием, то есть неразделенным на части, как это виделось в более раннем варианте концепции. Для того чтобы «Я» «индивидуума» стало совершенным, оно должно соединиться с «Я» «коллектива», являющим собой сублимированное мировое «Я». Этот процесс определяется как «рождение» «самосознающего “Я”». Адекватной формой подобного преобразования личности становится мистерия/мистериальность. Именно мистериальность реализует мифопоэтический сюжет романа, составляющими которого становятся сюжет инициации и сюжет Пятидесятницы.

В первом параграфе «Сюжет инициации в мифопоэтической структуре романа» рассматривается «персональная мистерия духа» главного героя романа Петра Дарьяльского. Содержанием мистериального действия становится

обретение/воскрешение героем собственной души. Два главных женских образа «Серебряного голубя» – Катя и Матрена – выступают «зеркальными призмами души героя» (Т.Н. Бреева) и задают разные варианты развития мистериального действия. Результатом истинной мистерии становится обретение/воскресение «самосознающего “Я”», итогом профанного ее варианта – утрата «Я» индивидуального. Дифференциация женских образов относительно образа Петра Дарьяльского позволяет увидеть происходящие изменения в душе героя.

Основу сюжета составляет подмена ролей участников мистерии. Так, «призма души», которую символизирует Катя Гуголева и которая должна быть источником и соучастником истинной мистерии, поглощается другой половиной души, безличным родовым началом, символизируемым Матреной. Этапность сюжета инициации репрезентируют мифопоэтические ипостаси образов главных героев, непосредственно связанные с гоголевским контекстом.

Основной ипостасью Матрены является ипостась ведьмы. Именно она, а не глава секты «голубей» Кудеяров, «околдовывает» Петра Дарьяльского. Ситуации поглощения и заманивания, типологически связанные со «Страшной мезьей» Н.В. Гоголя, включают Матрену в сюжет инициации.

Поглощение реализуется через подробное описание глаз героини, где ведущим становится мотив утопания в морской бездне. Также способом репрезентации безличного родового начала в образе Матрены является огненная/световая символика. Кроме того, поглощение задается и через хронотоп дупла, выступающего не только местом встречи Дарьяльского и Матрены, но и местом разговора нищего Абрама и главного героя, итогом которого оказывается вхождение Петра Дарьяльского в секту «голубей».

Ситуация заманивания Матреной Дарьяльского наиболее полно реализуется через их диалоги. Героиня дает короткие, уклончивые ответы, явно «усыпляя» внимание и сознание главного героя. В результате Петр Дарьяльский перестает быть субъектом своей собственной мистерии и начинает играть роль объекта, «человечка» в чужом мистериальном действе.

Катя Гуголева связана в романе с потенциальной возможностью обретения Петром Дарьяльским своей души. Подобная роль Кати обусловлена тем, что она в «Серебряном голубе» символизирует Россию, которая является художественным воплощением эталонной модели коллективного «Я». Соотносимость Кати Гуголевой и образа России реализуется в романе за счет появления в образе главной героини черт, присущих России (например, невербальность). Именно Катя/Россия может произнести то «духометное слово», пропеть «сладкую песнь», которая и приведет к обретению «самосознающего “Я”» Петра Дарьяльского.

Инициация, участниками которой являются Дарьяльский и Катя, имплицитно реализуется через мифопоэтический сюжет о заколдованной принцессе¹. В тексте «Серебряного голубя» Катя неоднократно именуется «принцессой», причем иногда автор прибегает к визуальному выделению данного слова. Петр Дарьяльский в рамках этого сюжета должен исполнять роль рыцаря, который смог бы «расколдовать» принцессу (то есть свою душу). Однако герой романа «Серебряный голубь» не сумел «освободить» Катю и довести начатую им мистерию до конца. Андрей Белый показывает несостоятельность Петра Дарьяльского в предложенной ему роли рыцаря-спасителя собственной души, однако через ассоциативное соотнесение Дарьяльского с Христом и Дионисом утверждает гипотетическую возможность преображения личности.

Во втором параграфе «Сюжет Пятидесятницы в мифопоэтике романа» исследуется функционирование сюжета Пятидесятницы, реализующего профанный вариант сотворения мистерии, содержанием которой становится попытка поглотить коллективное «Я» индивидуальным «Я», «узурпирование» функций Творца. Однако, по мысли Андрея Белого, «Я» индивидуальное не только не способно «поработить» «Я» «коллектива», но, не претворенное коллективным началом, развоплощается в «оно». Подобную мистерию пытается совершить столяр Кудеяров – глава секты «голубей», пытающийся «проиграть» сюжет Пятидесятницы.

К сюжету Пятидесятницы отсылает прежде всего название произведения. Голубь традиционно является символом Святого Духа, и в большинстве случаев упоминание этого образа в художественной литературе и религиозных текстах содержит положительные коннотации. В рассматриваемом же романе голубиная символика представлена многообразно, но всегда акцентируется ее негативная наполняемость. Символика голубя присутствует в имени сектантки Анны Голубятни, являющейся соучастницей убийства Дарьяльского и исполнительницей отравления Луки Силыча Еропегина. Изображение оловянного голубя «светилось» на посохе нищего Абрама, занимавшего в секте место вестника. Во всех приведенных примерах писателем показывается неистинность, мнимость новой веры.

Структурные составляющие сюжета Пятидесятницы воспроизведены Андреем Белым достаточно подробно. В данном сюжете вычленяются мотив схождения Святого Духа; огненная символика, сопровождающая это сошествие; ситуация утраты единого языка и появления «иных языков».

Мотив сошествия Святого Духа эксплицитно представлен в сцене радения с участием Петра Дарьяльского. Этот обряд носит подчеркнуто мистериальный характер и проводится с целью рождения Святого Духа. Профанацию данного мотива

¹ Сюжет о спасении принцессы/королевны рыцарем в творчестве Андрея Белого встречается неоднократно. Особенно явственно он представлен в сборнике «Королевна и рыцари. Сказки» (1918), причем основной корпус стихотворений был написан в 1909 – 1911 гг., т. е. во время работы над «Серебряным голубем». Но в отличие от Петра Дарьяльского рыцарь – лирический герой сборника – спасает свою возлюбленную.

реализует прежде всего подчеркнутое эротическое начало. Мотив искупления первородного греха заменен мотивом творения/зарождения Святого Духа.

Огненная символика представлена в романе «Серебряный голубь» на разных уровнях. Во-первых, она реализуется через образную систему романа. Одним из образов, в котором она актуализируется, является образ Ивана Огня. В нем огненная символика представлена и через имя героя, и через портретную характеристику. На профанацию образа Ивана Огня указывает подмена огня Святого Духа пламенем геенны, а также указание на «объятость» Ивана этим пламенем. Во-вторых, огненная символика репрезентируется через мотив жара – природного явления, характерного для села Целебеева. В-третьих, указанная символика актуализирована в текстах песен, исполняемых героями романа, где активизируется мотив сгорания, усиливающий ситуацию поглощения, в которую оказывается вовлечен Петр Дарьяльский.

Третьим компонентом, соотносимым с сюжетом Пятидесятницы, выступает мотив обретения «иных языков». Однако он используется Андреем Белым не на уровне образного ряда (в романе сошествие Святого Духа не происходит и, следовательно, появление речей на непонятных языках не наблюдается), а в плане авторского высказывания: автором обыгрывается ситуация наименования/переименования/наделения именем. Таким правом писатель наделяет купца-миллионщика Луку Силыча Еропегина, что свидетельствует о невозможности самих сектантов обрести «иные языки».

Итак, в конце 1900-х гг. для Андрея Белого основным смысло- и структурообразующим принципом, художественно репрезентирующим концепцию личности, становится мистериальность. Именно сотворение персональной мистерии способствует пробуждению/обретению «самосознающего “Я”». Писатель изображает структурный и процессуальный варианты «Я», которые художественно воплощаются через мифопоэтические сюжеты инициации и Пятидесятницы.

В четвертой главе **«Смысло- и структурообразующая роль принципа симфонизма в реализации концепции личности в романном цикле Андрея Белого “Москва”»** анализируется симфонизм, который в тексте романного цикла репрезентирует как структуру личности, так и пограничность человеческого сознания. Симфонизм понимается как принцип, укореняющий концепцию личности в пространстве текста (следует подчеркнуть, что концептуальной является содержательная, идейно-направленная составляющая принципа). Данный принцип художественно воплощает как пробуждение в личности «самосознающего “Я”», так и руководство этим сверхобразованием «коллектива» «масок» для его дальнейшего претворения в «индивид-коллектив». Симфонизм реализуется на образном и идейно-символическом уровнях романного цикла.

В первом параграфе *«Принципы организации структуры личности в романном цикле»* рассматривается «масочность» как основной прием, реализующий представления писателя о структуре личности. Концепция «масочности»

определяется Андреем Белым понятиями «злой» и «доброй» маски. Критерием, их разделяющим, становится включенность/не-включенность личности в «общеобязательные правила жизни» (Андрей Белый). Наличие «доброй»/«злой» маски становится показателем возможности/невозможности осуществления симфонизма личности.

Среди персонажей романного цикла «Москва» есть носители как «злой», так и «доброй» маски. Герои, носящие «злую» маску, осознали «маскарадность» жизни, превратив ее в способ осуществления задач, которые ставит перед ними общество. Эти персонажи существуют только в рамках социума и живут по его законам. Они надевают различные «маски», тем самым жертвуя «жизнью» своей личности, не осознавая при этом жертвенности своего положения. К многочисленным героям этой группы относятся Митя Коробкин, Лизаша, Киерко, Задопятов, карлик Яша и т. д.

Наиболее подробно и открыто «злая» маска актуализируется в отношении Эдуарда Эдуардовича Мандро. Согласно сюжету произведения смысл существования Мандро заключался в служении политическим организациям, претендовавшим на мировое господство. Поэтому все его многочисленные «маски»: «исторические» (Синяя Борода, барон Жиль де Ре, маркиз де Сад), «культурные» (братец Иванушка, Дориан Грей, Командор, Сольнес), «религиозные» (Мадлоппль, богушка), «жизненные» (дед Мордан, Друа Домарден) – несут в себе идею преодоления запретов и желание властвовать (морально, физически, идеологически) над другими.

Таким образом, Мандро не имеет возможности осознать свое «Я» как сверхобразование, поскольку каждая «маска» доминирует на определенном этапе развития личности, подчиняет себе остальные, что не позволяет организовать единое Целое.

Вместе с тем в цикле «Москва» Андрей Белый изображает героев с «доброй» маской. Следствием такого осознания становится отказ данных персонажей от «масок», навязанных обществом. Не имея возможности снять их, они перестают существовать в рамках социума. Эти герои живут не по общественным законам и нормам, а по человеческим законам, основанным на идее любви и сострадания к ближнему. Ярким представителем персонажей с «доброй» маской является профессор Коробкин.

Иван Коробкин изображается Андреем Белым как «идеальная» личность, сумевшая претворить свой «индивид» в «индивид-коллектив». Этот процесс показан писателем через ситуацию рождения «самосознающего “Я”», реализованного через снятие «злой» маски («маски» профессора) и обретение «доброй» маски. Четыре «добрые» маски Ивана Коробкина (Лир, Моисей, Будда, Христос) являются не только культурными призмами, расширяющими семантику образа, но и художественным воплощением идеи «коллективизма» личности. Эти «добрые» маски позволяют Коробкину увидеть и оценить происходящее с разных пространственных и временных точек, то есть пропустить сквозь себя опыт коллективного «Я».

Во втором параграфе «Формы выражения пограничности сознания в романном цикле» рассматривается идея метемпсихоза и астральная символика, являющиеся художественным воплощением ситуации пограничности сознания человеческой личности.

Идея метемпсихоза актуализируется в отношении профессора Коробкина и оказывается знаком пробуждения в нем «индивида-коллектива». Данная идея репрезентируется в произведении двояко. Во-первых, профессор Коробкин сам неоднократно высказывает идею метемпсихоза. «Доверяя» Ивану Коробкину «слово», Андрей Белый показывает и авторское отношение к нему. Для писателя именно Коробкин наиболее адекватно воплощает концепцию личности: только человек, осознавший себя как множественность, способен понять необходимость гармонизации всех составляющих для его превращения из «индивида» в «индивид-коллектив».

Во-вторых, идея метемпсихоза воплощается на сюжетном уровне через соотнесенность образа Коробкина со своим псом Томом, которая обнаруживается на «физиологическом» и символическом уровнях. Схожесть профессора Коробкина и Тома декларативно заявляется во внешних портретах персонажей (Андрей Белый показывает тождество черт лица Коробкина и морды его пса); через воспроизведение профессором Коробкиным поведенческих моделей Тома; с помощью объединяющих символических деталей (тряпка, «окровавленный взгляд»/«окровавленный глаз»).

Ситуация пограничности сознания активизируется и на образно-символическом уровне через включение астральной символики. По выполняемым функциям она условно разделяется на две группы. К первой группе относятся образования, представляющие собой упорядоченное Целое. Наиболее частотными образами-символами, входящими в отмеченную группу, являются образы колеса Зодиака и созвездий. Вторую группу составляют астральные символы, реализующие ситуацию хаотического скопления. Самым употребляемым образом этой группы является образ Плеяд. Актуализация образов первой группы в отношении героев указывает на возможность претворения их «индивида» в «индивид-коллектив», актуализация второй группы – на отсутствие подобной возможности.

Профессор Коробкин – один из персонажей цикла, в отношении которого астральная символика реализуется Андреем Белым достаточно декларативно и многоаспектно. Впервые она обнаруживается в середине второго романа цикла «Москва под ударом» и репрезентируется через звезду Каппа. Ее появление становится указанием на продолжение процесса становления «самосознающего “Я”» (началом его стала смерть Тома). Издевательства Мандро над Коробкиным оказываются очередным шагом к становлению «индивида-коллектива», свидетельством чего становится активизация образа «расширяющейся» Каппы.

В «Масках» профессор Коробкин отчетливо соотносится с тремя созвездиями: одним зодиакальным (Близнецы) и двумя созвездиями, не входящими в колесо

Зодиака (созвездие Большой/Малой Медведицы и Пса). Актуализация именно этих созвездий позволяет Андрею Белому на авторском уровне выразить две основные идеи, соотносимые с профессором. Созвездие Близнецов символизирует чувство милосердия и братской любви, а созвездия Медведицы и Пса достраивают идею метемпсихоза.

В отношении образа Эдуарда Эдуардовича Мандро применяется «минус-прием»: он не соотнесен ни с каким астральным телом, что говорит о невозможности гармонизации собственной личности. Кроме того, он включается в ситуацию «затмения» Соломона Самуиловича Кавалевера, истинного главы компании «Мандро и К». Автор неоднократно называет его «созвездием», тем самым подчеркивая как значимость в деловом мире, так и нравственную чистоту. Именно Кавалевера и «загораживает» своей «тенью» Эдуард Эдуардович.

Таким образом, в романном цикле Андрея Белого «Москва» выстраивается «итоговый» вариант концепции личности. «Индивид» представляется писателем как «коллектив», состоящий из «масок», которые для гармоничного бытия человека организуются в неделимое Целое. Руководить процессом преобразования личности призвано «самосознающее “Я”», понимаемое Андреем Белым как сверхобразование в структуре личности. Однако «самосознающее “Я”» не дается личности априори, оно должно быть обнаружено или «рождено».

В **Заключении** подводятся итоги проделанного исследования, формируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Концептуализация личности в творческом сознании Андрея Белого, происходившая в равной степени и в критико-теоретических статьях, и в художественных текстах, представляет собой активный процесс, динамика которого связана прежде всего с эволюцией мировоззрения самого писателя. Ранний этап концептуализации определяется сильным влиянием общесимволистской традиции, проявившейся как в формальном воплощении концепции личности, так и в плане ее содержательного наполнения. На зрелом этапе особое значение имела антропософская традиция, следствием чего становится включение «штайнерианского» контекста.

Концепцию личности в сознании Андрея Белого определяет круг вопросов, интересовавших писателя, начиная с середины 1900-х гг. и заканчивая 1920-ми гг. Первой проблемой для писателя стала проблема пограничности человеческого сознания, второй – проблема соотношения индивидуального «Я» и «Я» коллективного в структуре личности. Усложнение концепции личности за счет постепенного расширения проблемного поля ведет к появлению новых форм и способов ее художественной репрезентации.

Хронологически первым возникает вопрос о пограничности сознания человеческой личности, который начинает разрабатываться писателем в повести «Возврат». Способом репрезентации ситуации пограничности становится в

произведении принцип зеркальности. Андрей Белый использует физические свойства зеркала как знак маркированности героев. Персонажи, в отношении которых актуализируется ситуация «удвоения» (ребенок, старик, Орлов), изображаются писателем как личности, сумевшие гармонизировать свое «Я», «собрать» в единое Целое все разъединенные части своего «индивидуума». Герои, для которых зеркальность реализует ситуацию «умножения» (Ценх, колпачник, профессора), не подозревают о разорванности своей личности и существуют только в одном мире, тем самым лишая себя возможности преобразовать свое «Я». Магистрант Хандриков проходит путь инициации личности, поэтому во второй части зеркальность в отношении главного героя выражается через «умножение», а в третьей – через «удвоение».

В романном цикле «Москва» ситуация пограничности сознания предстает в более усложненном виде. Отчасти это связано с влиянием антропософских установок, вследствие чего «сознание» начинает отождествляться с «Я» и определяется как процесс претворения личности. Именно поэтому в «Москве» ситуация пограничности, продолжая связываться с «собираанием» воедино всех составляющих личности, создает основу для реализации «режиссерских» функций сознания.

Формой выражения пограничности сознания становится, во-первых, идея метемпсихоза, активизированная исключительно в отношении образа Ивана Коробкина, что выделяет его из числа других героев как сумевшего реализовать симфонизм личности. Во-вторых, ситуацию пограничности репрезентирует астральная символика, которая, как и физические свойства зеркала в «Возврате», маркирует образы героев.

Второй основополагающий вопрос концепции Андрея Белого – вопрос о структуре личности – ставится в романе «Серебряный голубь», где писатель рассматривает динамичное становление «самосознающего “Я”» – образования, служащего для соединения индивидуального «Я» и «Я» коллективного. Способом реализации указанной динамики является актуализированная в романе мистериальность. При этом особую роль играет мифопоэтическая сюжетика, репрезентирующая два варианта структуры личности: истинный и профанный. Ситуацию «поиска» потерянной души (данный процесс в романе художественно воплощает становление «самосознающего “Я”») реализует сюжет инициации, активизированный Андреем Белым в отношении главного героя романа Петра Дарьяльского. Профанирование мифопоэтического сюжета Пятидесятницы, представленного опосредованно через образно-символическую систему «Серебряного голубя», акцентирует подмену процесса становления «самосознающего “Я”» процессом его поглощения «Я» коллективным, художественно представленным сектой «голубей».

В «Москве» Андрей Белый реализует усложненную по сравнению с «Серебряным голубем» структуру личности. Если в романе «Серебряный голубь»

«самосознающее “Я”» рассматривалось автором-символистом в первую очередь как репрезентация процесса «достраивания» личности, то в романном цикле «Москва» «самосознающее “Я”» предстает и как процесс гармонизации личности, и как сверхобразование, регулирующее взаимное сосуществование частей «индивидуума». Основной формой репрезентации структуры личности становится в «Москве» «масочность» героев.

Перспективы исследования. Данное исследование не претендует на полноту рассмотрения концепции личности в творчестве Андрея Белого. В дальнейшем представляется возможным анализ способов и форм репрезентации концепции личности в лирике Андрея Белого, а также реализация концепции личности в общем контексте литературы рубежа XIX – XX веков.

**Основное содержание диссертационного исследования отражено в
следующих работах:**

**Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и
изданиях, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Афанасьев, А.С. Художественная концепция личности в повести Андрея Белого «Возврат» [Текст] / А.С. Афанасьев // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – 1(19). – С. 9 – 13.
2. Афанасьев, А.С. Функционирование сюжета Пятидесятницы в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» [Текст] / А.С. Афанасьев // Гуманитарные исследования АГУ. – 2011. – 1(37). – С. 134 – 138.
3. Афанасьев, А.С. Концепция личности в творческом сознании Андрея Белого [Текст] / А.С. Афанасьев // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета – 2011. – 1(23). – С. 216 – 222.
4. Афанасьев, А.С. Идея метемпсихоза в романном цикле Андрея Белого «Москва» [Текст] / А.С. Афанасьев // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета – 2011. – 2(24) – С. 133 – 136.

Другие публикации:

5. Афанасьев, А.С. К вопросу о несостоятельности символистской концепции житнетворчества (на примере сборника А. Белого «Золото в лазури») [Текст] / А.С. Афанасьев // Текст. Произведение. Читатель: Материалы всероссийской научной конференции, 11 – 13 октября 2007 года. – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – С. 188 – 193.
6. Афанасьев, А.С. Трагическое в образе лирического героя сборника А. Белого «Золото в лазури» [Текст] / А.С. Афанасьев // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Чтения имени профессора Сергея Александровича Леонова) 7 – 8 декабря 2007 года. – М.-Ярославль, 2007. – С. 206 – 210.

7. Афанасьев, А.С. Мифологема России в контексте житетворческих устремлений А. Белого (на материале рассказа «Йог») [Текст] / А.С. Афанасьев // Национальный миф в литературе и культуре: материалы всероссийской научной конференции, 4 – 7 мая 2009 года. – Казань: ТГГПУ, 2009. – С. 20 – 24.
8. Афанасьев, А.С. О познании истинном и мнимом во второй «Симфонии» А. Белого [Текст] / А.С. Афанасьев // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» 18 – 19 мая 2010 года. – М.- Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 425 – 429.
9. Афанасьев, А.С. «Аргонавтический» миф в рассказе Андрея Белого «Аргонавты» [Текст] / А.С. Афанасьев // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции (3 – 5 июня 2010 года). – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 34 – 35.
10. Афанасьев, А.С. Мифопоэтическая составляющая женских образов в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» [Текст] / А.С. Афанасьев // Текст. Произведение. Читатель: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 15 – 16 октября 2010 года. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – Вып. 2. – С. 84 – 88.
11. Афанасьев, А.С. Мистериальность в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» [Текст] / А.С. Афанасьев // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения», 17 мая 2011 года. – М.; Ярославль: Ремдер, 2011. – С. 421 – 425.